

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Бергер

Инфраструктура свободы слова

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Berger_48.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

царская, она была абсолютно уверена, что, по выражению современного юриста С.С. Алексеева, «власти не потребно право — ей достаточно закона». И оправдывала свою политику и действия «социалистической законностью», не нуждавшейся в праве как основе юриспруденции. И при этом в стране широко употреблялось слово «гражданин». Но в каком значении? В значении «гражданин начальник». Так в тюрьмах, в судах, в прокуратуре и заключенные, и даже только подозреваемые в чем-то люди могли обращаться к официальным лицам, свидетельствуя тем самым о взаимной отчужденности «граждан» в соответствии с волонтаристским представлением о законе.

А если отвлечься от укоренившихся при советской власти привычек при употреблении слова «гражданин», что оно все-таки означает? Ведь ясно, что гражданин это не только член гражданских организаций, и тем более не профессия, не должность, не обозначение принадлежности к патриотам или не патриотам, к «правым» или к «левым». Как очевидно и другое, что оно употребляется обычно в процессе *общения* людей, в основе которого лежат сложные человеческие отношения, опосредованные институционально.

Появилось же это слово, когда житель города, или горожанин, объявил себя *гражданином* (англ. *citizen*, фр. *citoyen*). То есть по меркам исторического времени сравнительно недавно — в Декларации прав человека и гражданина эпохи французской буржуазной революции, которая подвела своего рода итог предшествующему политическому развитию европейского общества, и было провозглашено, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

А в России, где борьба за свержение самодержавной власти радикальной интеллигенцией закончилась победой пролетариата? Мог ли наш народ — без права частной собственности, политических свобод, независимой судебной системы, свободы слова — стать действительно гражданами? И что делать сегодня, когда процесс буржуазно-демократического развития страны начала XX века, прерванный в 1917 году, снова скован авторитарной бюрократической властью?

Необходимо прежде всего, на мой взгляд, преодолевать взаимное недоверие между людьми на путях гражданского просвещения и осознания смысла свободы. Поскольку свобода это не выбор, как принято думать, между свободой и не свободой, так как сам выбор возможен только в условиях свободы.

Свобода, как и мораль, абсолютна, это очевидно, но наше отношение к морали, как и к свободе, должно быть относительным, то есть оформленным в виде правовых юридических норм, так как чисто механическим путем моральную норму вывести невозможно. Моральный опыт можно извлечь только из окружающей действительности, и тогда абсолютное, не переставая быть абсолютным, становится относительным. В этом смысле свобода, подобно естественному свету Солнца, благодаря которому мы видим окружающий мир, воспринимаем пространство, различаем в нем различные предметы, оттенки цветов, позволяет людям, сознающим себя гражданами, тоже видеть, что их окружает в общественном пространстве, и узнать, для чего существует правовое государство, создаются демократические институты и как они работают.

Следовательно, слова «свобода» и «гражданин» стоят в одном ценностном ряду, и если мы это поймем, как граждане страны, вступившей на путь экономической свободы, мы научимся соблюдать и защищать наши *общие* гражданские и политические права, гарантированные Конституцией. А значит, и контролировать власть и бюрократию, участвуя в политической конкуренции и отстаивая свои взгляды в публичном пространстве.

Инфраструктура свободы слова*

Разговор об инфраструктуре свободы слова, мне кажется, даже важнее, чем дискуссия о собственно свободе слова. Была ли свобода слова, скажем, в позднем бронзовом веке, примерно три-четыре тысячи лет назад? Я говорю об этом времени потому, что более-менее достоверные источники информации ведут начало с того времени, например Ветхий Завет. Известно, что Ветхий Завет существовал сначала в устной форме, и соответствующая информация распространялась из уст в уста, но очень точно. То есть практически такой вариант радио. Я очень люблю один эпизод из этого средства массовой информации: он касается захвата израильянами ханаанского города Иерихон. В 1406 году до нашей эры израильяне во главе с Иисусом Навином (об этом говорится в одноименной книге Ветхого Завета) пришли в Ханаанскую землю, которая им была обещана Богом Израилевым. На их пути стоял город — совершенно неприступная крепость. Восемь тысяч воинов молча, не говоря ни слова, с ковчегом Господним на плечах — это переносной храм — ходили вокруг Иерихона шесть дней. Тишину нарушали только звуки семи труб, в которые трубили идущие с воинами семеро священников. И вот на седьмой день священники особенно усердно дунули в трубы, все воинство израильское разом и громко воскликнуло, стены разрушились, и войско вошло в Иерихон. Ну, а дальше — библейские ужасы, уничтожение всех, включая женщин и детей. Но с тех пор все знают про иерихонскую трубу, которую можно, я думаю, тоже считать одним из первых средств массовой информации.

Теперь важный вопрос: что произошло в действительности? Раскопки обнаружили, что стены Иерихона упали наружу; вряд ли обороняющиеся их туда толкали. Значит, было что-то такое особенное, например землетрясение, эффект резонанса, но кроме книги Иисуса Навина об этом нет альтернативной информации. Возможно, она и была, но осталась не зафиксированной. Отсюда простой вывод: любая информация, сво-

Михаил Бергер,
генеральный директор
медиахолдинга «Румедиа»,
профессор кафедры
медиаменеджмента
и медиабизнеса
ГУ-ВШЭ

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 4 ноября 2008 года.

Тайат (Эрнесто Микагеллес). Победа воздуха. 1931

бодная или зависимая, чтобы стать фактом материальной жизни, должна быть как-то упакована и распространена. Это и есть инфраструктура свободы слова, инструмент ее фиксации и распространения. Если пользоваться единственным источником, остается в него свято верить, хотя могут быть и другие взгляды на ту же проблему.

Мы живем не в бронзовом веке и можем спокойно инвентаризировать все, чем обеспечена или не обеспечена свобода слова и независимая информация в России. Эта инфраструктура держится на трех «китах».

Первый «кит» — юридическая база. Есть ли у нас юридическая база для свободы слова? Да никаких сомнений: наш закон о СМИ — один из лучших в Европе. Есть конституционная норма, прямо и недвусмысленно запрещающая цензуру. Есть Гражданский кодекс и другие законодательные акты, дающие возможность любому физическому или юридическому лицу совершенно свободно учредить телекомпанию, радиостанцию, газету, об Интернете я вообще не говорю, лишь бы там не было призывов к войне, насильственному свержению конституционного строя и к расовой и национальной вражде.

Итак, юридически в России свобода слова вполне качественно обслуживается. И это надо признать. Правда, есть некоторые ограничения для иностранцев по владению электронными СМИ, но это норма существует и в самых демократических странах. Следовательно, чтобы реализовать названные права, нужны деньги. Свобода слова — удовольствие платное и недешевое. Кто-то должен платить за «музыку». Между прочим, правительства всего мира, как ни странно, не горят желанием оплачивать критику в свой адрес, или вообще любую неконтролируемую информацию. Значит, должен быть кто-то другой, кроме правительства,

желающий и способный заплатить за праздник информации.

Второй «кит» инфраструктуры независимых СМИ — это их технические или технико-экономические возможности. Кто кроме правительства может и хотел бы заплатить за банкет, чтобы была какая-нибудь другая информация, что-нибудь, не связанное с властью? Ответ очень простой: частные лица в любой форме — собственно частное лицо, частная компания или общественная организация. В идеале было бы лучше всего, если бы частные граждане попросту скидывались на общественное телевидение и радио, как это происходит с BBC в Великобритании. Но почему-то этот опыт не приживается за пределами Великобритании, плохо распространяется. Попробуем рассмотреть другие конструкции.

Допустим, вы решили создать новую и совершенно независимую телекомпанию. Возможно это? Возможно. Никаких препятствий, если, конечно, у вас есть деньги. Тогда вы без особых проблем, сейчас это легко, ну, максимум коробка конфет, регистрируете телекомпанию, скажем, с названием «Вдруг ТВ». Нанимаете лучших журналистов, сейчас они подешевели. Легко снимаете разоблачительные репортажи, самые острые ток-шоу с участием таких людей, которых уже лет восемь никто не видел в телевизоре. И уверяю вас, вы это сделаете совершенно без всяких проблем. Хорошо, сделали, а дальше? Куда с этим счастьем идти? Ключевое слово — частота, в смысле место в эфире, техническая возможность, инфраструктура. То есть осталась самая малость, не хватает технической детали — канала распространения. Как доставить ваши слова и изображения к потребителю? Как дать ему знать, что вы в полной мере реализовали свое право на независимую точку зрения?

Итак, нужна частота. Где ее взять? В Министерстве связи, разумеется, где

же еще. Или на вторичном рынке. Тут как с квартирами, есть вторичный рынок. И здесь начинаются первые, не политические, я это подчеркиваю, сложности. Чтобы получить частоту из рук властей, надо победить на конкурсе. Другого способа не существует. Для всех городов с населением больше двухсот тысяч человек, чтобы получить право на вещание, нужна частота, то есть место в эфире. А для этого надо договариваться с военными, долго, примерно до двух лет, расчищается частота, с «заносами» и прочими прелестями нашей традиции. Хотя не исключено, что в последний момент выяснится, что где-то под Белгородом эта частота будет мешать китайским летчикам. Но вот — частота все же есть. Она ваша? Нет, надо еще, чтобы ее выставили на конкурс. А потом собралась комиссия и победила радиостанция «Звезда» с концепцией патриотического воспитания. Или кто-нибудь еще, потому что конкурс — это абсолютно субъективная вещь. Сидят девять членов комиссии и решают, чем музыкально-спортивная концепция лучше информационно-развлекательной. И это решение окончательное, как решение Конституционного суда, его нельзя пересмотреть. Поэтому, если вы хотите таким путем создать телекомпанию, которая вещала бы хотя бы в половине субъектов федерации, жизни не хватит.

Следующий вопрос. Речь не о том, чтобы победить во всех субъектах федерации, это невозможно чисто технически. Если, конечно, это не федеральные каналы — Первый, Второй, НТВ — и еще 5, которым сразу на блюдецке все частоты преподнесли. Но устроено так не только в России. Хочешь вещать еще где-то кроме Москвы, например, или Екатеринбурга, ты должен выиграть конкурс отдельно на каждый субъект. Ясно, что это невозможно. У вас денег завались — вы попробуете купить? Только учтите, продажа лицензий запрещена законом. Можно, ко-

нечно, запрет обойти, купив юридическое лицо, на которое выписана лицензия, свободно. Но возникает другая проблема: ничего не продается. Вот давно ли был в свободной продаже Первый канал? Он приватизировался в девяносто пятом, но не продавался. Про Второй не говорю — это стопроцентно государственное унитарное предприятие. Но на этом рынке и я в том числе пытаюсь что-то покупать. Иногда получается: небольшую радиостанцию в небольшом городе купить можно. Но серьезную телекомпанию или медиахолдинг, даже региональный, купить сложно по целому ряду причин. Во-первых, не продается, это рынок продавца. И, во-вторых, это всегда политически чувствительное приобретение. Допустим, СТС политически абсолютно стерильная организация, но здесь возникает другая проблема. Даже со своими шестьюдесятью или семьдесятью миллионами аудитории против тотального охвата Первого канала, эта компания до кризиса, не знаю, как сейчас, стоила больше четырех миллиардов долларов — дороже чем Аэрофлот или Михайловский горно-обогатительный комбинат.

Много ли потенциальных покупателей такого товара в России из числа российских граждан или налоговых резидентов? У профильных медиакомпаний таких денег нет, а у больших корпораций так много других забот, что они иногда покупают либо с разрешения, либо по поручению. Думаю, что даже для Центрального банка четыре-пять миллиардов долларов это уже деньги. Чтобы купить радиостанцию в Москве, просто одну частоту FM, нужно заплатить во семь или десять миллионов долларов.

Существенно ниже входные барьеры в печатных СМИ. Чтобы издать газету, не надо покупать лицензию, участвовать в конкурсе. Достаточно просто зарегистрировать СМИ и вперед, полная свобода. Как, допустим, КПРФ никто

же не запрещает иметь газету «Правда», и КПРФ ее имеет. Однако, чтобы запустить и раскрутить газету на московском рынке требуется примерно двадцать миллионов долларов. Места заняты все, и чтобы кого-то подвинуть — читателей больше не становится, нужно отобрать их у других. Причем наличие инвестиционной суммы ничего не гарантирует. Например, в начале нулевых годов Владимир Потанин потратил пятнадцать миллионов долларов на запуск и раскрутку газеты «Русский телеграф». Сегодня такой газеты нет, как и денег этих. Никто ничего политически не запрещал. Как не запрещал политически неудовлетворенному миллиардеру Александру Лебедеву запустить газету «Московский корреспондент», существование которой он дважды искусственно прерывал. Второй раз, по-моему, окончательно. Газета была весьма критична, правда, в основном к одному из представителей больших властей — Лужкову. Никто никаких серьезных политических капканов не расставлял, Лебедев газету закрыл сам: надоело бессмысленно тратить деньги. Бизнесмен Алишер Усманов купил издательский дом «Коммерсантъ» за 180–200 миллионов долларов. Данные не точны, компания не публичная, рынок непрозрачный, официальных данных нет. Если компания не котируется на рынке, мы про нее ничего не знаем. Но, думаю, что цифры близки к истине. Финский медиахолдинг Sanoma приобрел российский издательский дом Independent Media за сто шестьдесят миллионов евро без всяких препятствий. Если Алишер Усманов, как мне кажется, купил «Коммерсантъ» неожиданно для себя, то финны вполне осмысленно купили одно из лучших в России издательств. Хочу подчеркнуть, что отсутствие ограничений привело к тому, что сегодня из ста десяти крупнейших и самых успешных издательских домов России примерно семьде-

сят процентов аудитории и примерно столько же доходов собирают компании со стопроцентным или со стратегическим участием иностранного капитала. Здесь наш рынок сказочно открыт. Можно только догадываться, почему это произошло, но дело обстоит именно так.

Итак, у нас можно спокойно покупать готовые газеты и творить с ними все, что хочешь. Есть одна, правда, проблема — деградация самого сектора ежедневных газет в первую очередь. К сожалению, сокращается спрос на оперативный комментарий и газетную аналитику. С еженедельными изданиями не все так очевидно, а вот с ежедневными — это вопрос времени, особенно с учетом нынешней обстановки: слишком велики расходы на производство и на дистрибуцию, то есть инфраструктуру, о чем, собственно, и идет речь. Таким образом, свобода слова, покупки, поглощения и продажи в печатных СМИ практически полностью нейтрализуются незначительностью аудитории, экономической бессмысленностью предприятия.

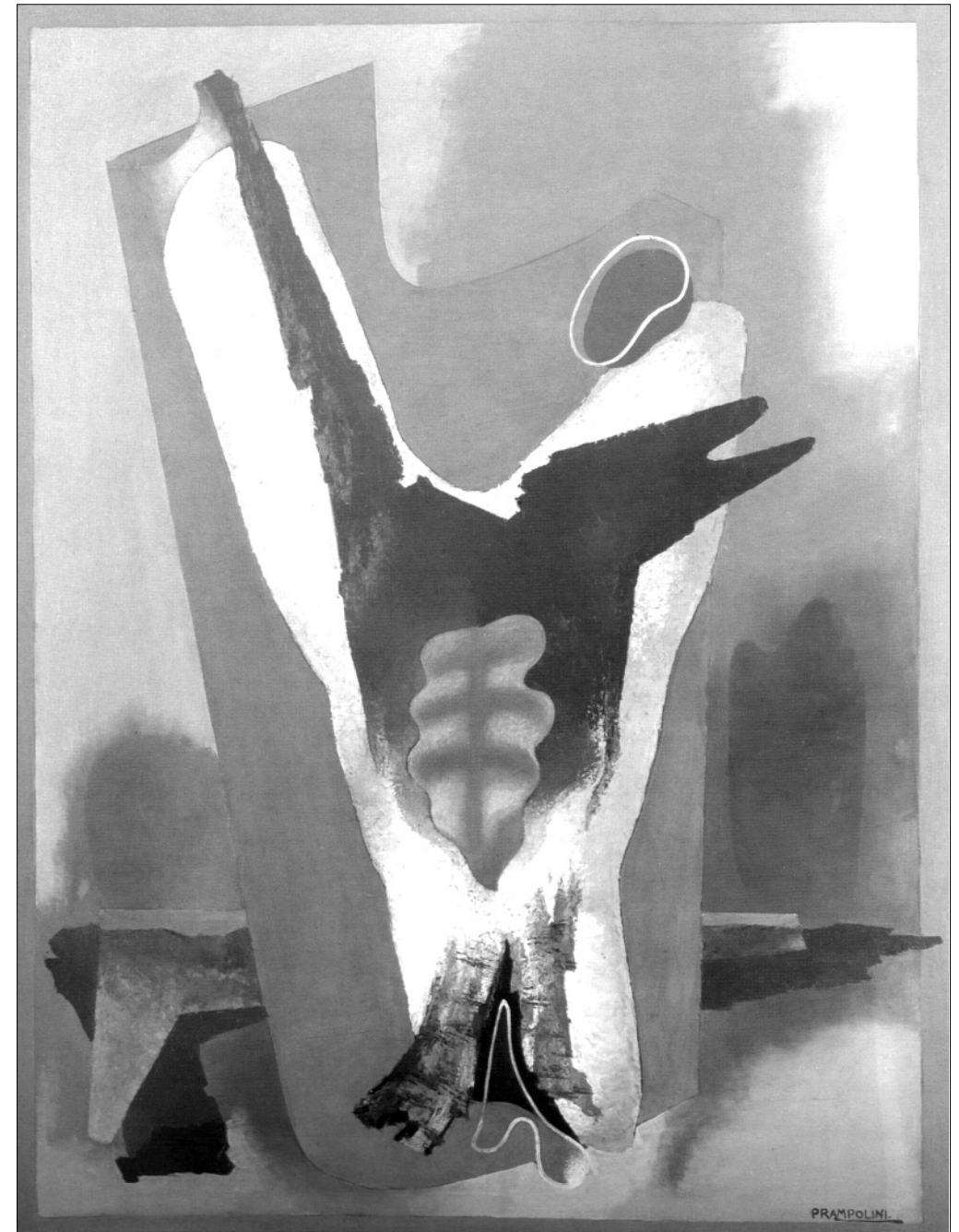
А вот экономически привлекательный рынок электронных СМИ, где производство независимого контента может еще и приносить прибыль, опирается на инфраструктуру, полностью контролируемую государством. То есть оно распоряжается не только предоставлением лицензии, но и владеет всей системой распространения сигнала. Российской телерадиосети (РТРС) принадлежат трансляционные средства по всей стране, включая космическую связь, которая обслуживает передачу спутникового сигнала. С одной стороны, государство вроде бы решает при этом социальную задачу, потому что иначе сигнал не дошел бы до половины территории России, где нет зрителей, интересующих рекламодателей. Государство же, которое доставляет сигнал до последней деревни, выполняет социальную роль. А с другой сто-

роны, держит контроль над системой распространения сигнала, и это очень сильный инструмент влияния. Мы все в этом убедились, когда в 2003 году закрыли канал ТВС. В России есть несколько частных телевизионных вышек. Например, в Самаре, Красноярске, но они, конечно, не меняют реальную картину инфраструктуры. Еще советское правительство завещало нам присматривать за инфраструктурой СМИ. Полиграфические предприятия нельзя было приватизировать до 2003 года просто как стратегические объекты.

Справедливости ради надо сказать, что проблема влияния принадлежащей государству инфраструктуры на медиарынок, проблема влияния на свободу слова возникла даже не в прошлом веке, а еще раньше. «Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию, положительно убила дело губернской типографии», отмечалось в представлении Томского губернского правления губернатору в 1880 году. «Чтобы частные типографии не мешали губернским работать, губернские правления нередко препятствовали созданию в городе новых типографий и литографий. Так случилось, например, в Томске, где из-за нежелательности конкуренции с губернской типографией купеческому сыну Пьянкову было отказано в пае на организацию литографии». Это я цитирую один из рефератов из Новосибирска (В.Н. Волкова. Гос. публ. н-техн. библ. СО РАН). А вот еще замечательная цитата, чуть более поздняя, 1909 год — из «Вестника печатного дела» — органа Общества владельцев печатных заведений Санкт-Петербурга: «Мы, прежде всего, встречаемся с совершенно ненормальной конкуренцией, которую создают для типографов-промышленников наши казенные типографии, не только монополизирующие извест-

ного рода печатные работы, но и сбивающие цены на типографском рынке вообще. В то время как Австрия, Германия, Северо-Американские Соединенные Штаты и Франция имеют по одной государственной типографии, а в Англии, например, ее нет совершенно, у нас в России в каждом губернском городе есть своя государственная типография. В Петербурге казенных типографий свыше двадцати, а в Москве около десяти. Все эти типографии не только принимают частные заказы, но даже ищут их путем публикаций в газетах». И дальше из этого письма: «Не обязанные амортизировать имущество, платить налоги, словом, нести все расходы, неизбежные для частных предпринимателей, постоянно обеспеченные большим количеством монополизированных работ, русские казенные типографии процветают, в то время когда частные типографии не знают, как сводить концы с концами».

Сегодня, как и сто лет назад, государство не только контролирует всю медийную инфраструктуру, но является, я думаю, крупнейшим собственником на медиарынке. Сто процентов собственности ВГТРК находится у ВГТРК. Может быть, не все представляют себе размер этого ФГУПа. Телеканал «Россия» — принимается практически на всей территории Российской Федерации. Телеканал «Культура» — это спасибо властям, я с удовольствием плачу. Далее «Спорт», «РТР-Планета», информационный канал «Вести-24». На сто процентов принадлежат государству «РИА Новости», телеканал Russia Today, ИТАР ТАСС. Недавно появился телеканал «Звезда» Министерства обороны, питающийся деньгами налогоплательщиков, телекомпания «Мир», доля в телекомпании «Евроньюс», радио «Маяк» — полностью, «Радио России», радиостанция «Вести FM». Во всех регионах работают филиалы ВГТРК, государственное ТВ. Государственному телевидению принадле-

Энрико Прампolini. Похороны романтизма. Трансфигурационная эстетика. 1934

жит контрольный пакет Первого канала. Государство также косвенно влияет на формально частные телекомпании — НТВ, TNT, НТВ+ через материнскую компанию «Газпром-Медиа», у которой мама, как мы знаем, просто «Газпром».

Не будем забывать о непрямом контроле. У того же «Газпром-Медиа» шесть FM радиостанций, включая любимую мной «Эхо Москвы», Радио Попса, Некст, Релакс, СИТИ FM, Детское радио. Государство интересуется не только элек-

тронными СМИ: у него большая доля на рынке печатных СМИ.

Отдельного внимания заслуживает структура доходов печатных СМИ. Вот отчет «Роспечати» за прошлый год. В структуре доходов российских печатных СМИ доходы от продажи экземпляров и подписки больше, чем доходы от рекламы. Все, кто знаком с медиа, поймет, что так грибы не растут, это невозможно. Тем не менее статистика, которой я не могу не верить, я это изучал, говорит именно об этом. Из ста четырех миллиардов рублей доходов 58% — это доходы от розничной продажи и подписки. В нормальной же структуре доходов примерно 70% составляет реклама. Я долго не мог понять, в чем дело, пока не осознал, что учредители большинства региональных газет и 80% муниципальных — органы местной и государственной власти. Они мягко заставляют подписываться на подконтрольные издания и организуют те самые поступления от подписки и продажи. И еще один ресурс. По закону о бюджете в 2008 году «Российская газета», например, получает аж почти три миллиарда рублей, больше ста миллионов долларов государственных дотаций, то есть наших с вами денег. И часть этих денег точно будет потрачена на организацию подписки, на прямую и скрытую рекламу.

Общая сумма дотаций государства в 2008 году составила восемьдесят два миллиарда рублей. Главными потребителями этих денег являются ВГТРК — четырнадцать миллиардов рублей, больше полумиллиарда долларов, и формально частное НТВ вместе с Первым каналом — около двух миллиардов рублей на распространение сигнала. В бюджете Москвы на 2008 год заложено 4,8 миллиарда рублей на текущее содержание городского телевидения и почти семьсот миллионов рублей на городскую периодическую печать. Но я как налогоплательщик не хочу тратить на это деньги! И так делает не только Мо-

сква — бюджетом Республики Татарстан на финансирование СМИ в 2008 году предусмотрено 3,4 миллиарда рублей. Вспомнишь поневоле письмо печатников 1909 года о том, что казенные типографии портят рынок.

Теперь одна очень важная проблема: как распределяется аудитория между государственными и частными каналами? Если позволить себе смелое, на грани бесстрашия предположение, что государство решает свои задачи только на госканалах и никак не вмешивается в работу частных, каковы будут размеры этих двух «огородов»? Так вот, совокупная доля аудитории, по данным опросов за первую неделю октября, государственных или контролируемых государством каналов составила 64,4%. Разумеется, при полной свободе учреждать частное телевидение. В этих обстоятельствах самой реально свободной зоной СМИ остается Интернет: низкие барьеры входа, либеральное регулирование. Но здесь те же инфраструктурные проблемы. Если в Москве проникновение Интернета составляет 60%, то в среднем по России — 20–25%, что говорит об информационном неравенстве регионов.

Наконец, несколько слов о третьем «ките». Есть ли в обществе влиятельные политические силы, участвующие в выборах и заинтересованные в приходе к власти и отражении независимой от властей точки зрения? Если их нет, тогда говорить о независимых СМИ бессмысленно, даже при наличии закона, даже при наличии денег, при свободном доступе к инфраструктуре. Не будет независимой печати, если нет сил, заинтересованных в том, чтобы всплывала всякая неприятная информация о действующих чиновниках. И второй вопрос: а есть ли в самом обществе достаточный запрос на независимую информацию? Входит ли свобода слова в «потребительскую корзину» среднестатистического россиянина? Боюсь, что ответ вы знаете без меня.

Дискуссия

Вячеслав Лукин, координатор Нижегородского правозащитного союза: — В Нижнем Новгороде было «Эхо Москвы», его закрыли с приходом губернатора Шанцева. Потребность у людей есть. Я знаю лично пять тысяч человек, которые готовы вложить свои деньги, чтобы открыть эту радиостанцию. И есть через чего передавать. Как можно это сделать тогда?

Полина Санаева, главный редактор журнала «Бизнес — Успех», Республика Дагестан:

— Я хотела сказать, что у нас не такая ситуация в регионе. У нас есть по крайней мере две газеты, независимые от государства, которые читают все, хотя есть и куча дотируемых государством газет, которые никто не читает. Мне кажется, в каждом регионе есть одна-две газеты, которые выстояли в конкуренции с государственными.

Алексей Коваленко, генеральный директор ООО «ВР-Софт», председатель НП «Автоклуб “Хибины”», Мурманская область:

— У меня, скорее, даже не вопрос, а комментарий. Вы очень правильно сказали насчет сомнительности официальной структуры доходов от рекламы и распространения. Я еще являюсь собственником двух небольших газет у себя в регионе, и мы были вынуждены из-за сложности логистики и дабы увеличить тиражи перейти вообще на бесплатное распространение. Так как по крайней мере, в нашем регионе, получается экономически выгоднее распространять бесплатно газету, даже содержащую контент, не рекламную, нежели пытаться создать систему логистики и продавать через торговую сеть.

Анастасия Степанова, корреспондент ВГТРК «ГТРК Владимир»:

— Я работаю в филиале ВГТРК во Владимире. Прискорбно, но соглашусь с вами, что запрос если и не отсутствует, то он чрезвычайно мал. Вот небольшой пример — митинг памяти Анны Политковской, который ежегодно проводится седьмого октября во многих регионах. В прошлом году во Владимире пришли семь человек, в этом году — двадцать, хотя число журналистов у нас больше трехсот. Мне не дали осветить это событие на моем канале, и никому не дали. Вот такая ситуация...

Илья Лазаренко, председатель Контрольно-счетной палаты г. Смоленска:

— Михаил Львович, я вам благодарен за то, что вы предлагаете посмотреть на проблему совершенно с другой стороны, потому что боль-